

КОРНЕЙ
ЧУКОВСКИЙ

ОТ ДВУХ
ДО ПЯТИ

Издательство «АСТ»
Москва

УДК 37
ББК 74.1
Ч88

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Дизайн обложки Анастасии Шмулий

*Издательство «АСТ» и редакция «ОГИЗ» благодарят ведущего научного
сотрудника ГМИРЛИ имени В. И. Даля (отдел «Музейный центр «Дом Чуковского
в Переделкине») П. М. Крючкова за помощь в подготовке настоящего издания.*

Чуковский, Корней Иванович.

Ч88 От двух до пяти / К. И. Чуковский ; предисловие, коммента-
рии, составление Е. Чуковской. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 640 с. — (*Большая книга о воспитании*).

ISBN 978-5-17-188897-8

В настоящее издание вошла классическая книга Корнея Чуковского о детской психологии «От двух до пяти», в которой он сформулировал свои основные взгляды на детскую литературу, наблюдения над развитием языка малышей, «заповеди для детских поэтов». Книга дополнена статьей «Признание старого сказочника» (1969), над которой автор работал в последние месяцы своей жизни.

В разделе «Приложения» представлена старинная работа Чуковского «Матерям о детских журналах» (1911), редкие и острые рецензии Корнея Ивановича на книги для детей (1924), а также его статья «Литература и школа» (1936).

Непосредственно с работой над книгой «От двух до пяти» связан и завершающий книгу тематический подбор текстов «Борьба с “чуковщиной”». Здесь публикуются уникальные документы 1920-х годов, относящиеся к тому, как сказки Чуковского пробивались в печать и каковы были тогда руководящие взгляды на детскую литературу.

В таком составе знаменитый труд Корнея Чуковского издается впервые.

**УДК 37
ББК 74.1**

ISBN 978-5-17-188897-8

© К.И. Чуковский, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Нельзя не задуматься о том, почему сказки Чуковского оказались столь долговечными и дети продолжают их читать в наши дни. Это происходит не только потому, что они написаны талантливым человеком, знающим и любящим поэзию. Этого, разумеется, недостаточно. Чуковский тщательно, на протяжении всей своей жизни изучал детскую психологию. Психологию детей «От 2 до 5». Так называется его книга, выдержавшая уже около тридцати изданий в нашей стране и переведенная на десятки иностранных языков — английский, немецкий, шведский, норвежский, чешский, польский, болгарский, японский. Тираж этой книги по-русски, я думаю, превышает один миллион экземпляров.

Нельзя понять успех детских сказок Чуковского, не зная этой его книги.

Над этой книгой он работал без преувеличения всю свою жизнь.

Материал для книги Чуковский собирал по двум направлениям.

Во-первых, это его собственные наблюдения над своими детьми, а их у него было четверо, над приятелями детей и над теми малышами, с которыми он сам виделся в течение всей жизни — во время бесчисленных выступлений в детских садах, санаториях и просто на улицах. (Теперь эти наблюдения опубликованы на страницах его дневников.)

Но был еще один неиссякаемый источник сведений о детях. Еще в 1909 году Чуковский в печати обратился к своим читателям с такими словами:

«Я прошу всех лиц, которые так или иначе близки к детям, записывать для меня все детские слова и речения, почему-либо их поразившие, и присылать их ко мне...»¹

В те годы он не написал еще ни одной детской сказки, а лишь как критик выступал со статьями о тогдашней детской литературе и о детских журналах. Но к нему довольно быстро пошел поток писем от родителей, от бабушек и дедушек с разнообразными наблюдениями за маленькими детьми, родительскими дневниками и проч. Теперь в архиве Чуковского хранятся свыше тысячи писем от родителей и родительских дневников.

Поэтому — сперва был опыт изучения детской психологии и детского языка, опыт наблюдений за маленькими детьми, а только позже, лет через 10, была написана первая сказка для малышей.

К этому времени во многих своих газетных статьях Чуковский уже сформулировал для себя закономерности детского мышления. Начал он свой анализ с исследования того, как дети овладевают языком.

В книге «От 2 до 5» есть глава «Детский язык». А в ней отделы: «Прислушиваюсь» с многочисленными примерами детских слов и выражений. Другие отделы называются «Подражание и творчество», «Детское чутье языка», «Величайший труженик», «Народная этимология», «Завоевание грамматики», «Типичные ошибки детей», «Анализ языкового наследия взрослых», «Свежесть детского восприятия слов», «Детская речь и народ».

В этих отделах приведены сотни убедительных, часто забавных примеров детской речи.

Основной вывод, который делает автор: «Воспитание речи — всегда воспитание мысли».

¹ Корней Чуковский. О детском языке // Речь. 1909. 14 (27) дек.

Книга «От 2 до 5» складывалась постепенно, многие ее главы сперва появились в виде отдельных статей. Так, в 1924 году вышла статья «Лепые нелепицы».

Начинается она с письма:

«Стыдно, т. Чуковский, забивать головы наших ребят всякими путаницами, вроде того, что на деревьях растут башмаки, а “Жабы по небу летают, рыбы по полю гуляют...” Зачем вы извращаете реальные факты? Детям нужны полезные сведения, а не фантастика насчет белых медведей, которые кричат ку-ка-ре-ку. Не этого мы ждем от наших детских писателей».

Отвечая на это письмо, Чуковский доказывает, что обывательский «здравый смысл» бывает врагом научной истины.

Он приводит примеры народной детской поэзии:

Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота... —

и многое другое.

Приводит примеры английских и немецких народных детских песенок и утверждает, что ключ тут — в умственной игре, при которой распространенным методом является обратная координация вещей: собака мяукает, а кошка лает.

По этому же методу почти одновременно со статьей написана и сказка Чуковского «Путаница», где утки говорят ква-ква (как лягушки). А лягушки (кря-кря) как утки.

Чуковский пишет, что это стихотворение написано, так сказать, по заказу и по рецепту ребенка, что он изготовил для своего малыша игрушку. Дети неизменно ощущают эти игрушки как нечто забавное. Чем яснее для ребенка правильная координация вещей, от которой он намеренно отступает в игре, тем сильнее в нем ощущение смешного. Значение этой детской игры — в самоэкзаме и в том, что она повышает самооценку ребенка.

Для ребенка невыносимо сознание, что он неспособен к тем действиям, которые совершают взрослые. Игрушками становятся только те идеи, которые уже крепко скоординированы между собой. Нельзя забывать, что именно координация знаний — важнейшая забота ребенка.

В 1925 году Чуковский заносит в свой дневник:

«Пришло в голову написать статью о пользе фантастических сказок, столь гонимых теперь. Вот такую: беременная баба узнала, что на таком-то месяце ее будущий младенец обзавелся почему-то жабрами. — О, горе — не желаю рожать щуку! Потом еще немного — у ее младенца вырос хвост: О, горе! не желаю рожать собаку! — Успокойся, баба, ты родишь не щуку, не собаку, но человека. Чтобы стать человеком, утробному младенцу необходимо побыть вчерне и собакой, и щукой. Таковы были все — и Лев Толстой, и Эдисон, и Карл Маркс. Много черновых образов сменяет природа для того, чтобы сделать нас людьми. В три года становимся фантастами, в четыре воинами и т. д. Этого не нужно бояться. Это черновики. Временки. Самый трезвый народ — англичане — дали величайших фантастов...»

Так складывалась новая большая глава в книге «От 2 до 5», глава «Борьба за сказку», которую автору удалось включить в книгу лишь в 1955 году, в одиннадцатое издание...

В 1928 году выходит первое издание книги «От 2 до 5» — под названием «Маленькие дети». В это же время Чуковский формулирует свои известные «Заповеди для детских поэтов» (1929).

«Я хорошо помню те сотни ненавидящих глаз, — вспоминал позже Чуковский, — которые буквально вонзались в меня, когда я осмеливался выступать на собраниях педологов в защиту моих бедных “Мойдодыров”. Именно в борьбе с этими врагами детей и родилась моя книжка “От двух до пяти”. В книжке я восставал против наивно-утилитарного подхода к детской литературе и доказывал, что даже небывальщина, даже “перевертыши”, даже явные нелепицы служат утвержде-

нию детей в реализме; что отнимать у них фантастическую, волшебную сказку — значит уродовать их душевную жизнь».

Читатели первых изданий книги горячо ее приняли. В 1930 году в дневнике Чуковского появляется такая запись:

«Июль 1930. Разбирал письма о детях, которые идут ко мне со всего Союза. В год я получаю этих писем не меньше 500. Я стал какая-то “Всесоюзная мамаша” — что бы ни случилось с чьим-нибудь ребенком, сейчас же пишут мне об этом письмо. Дней 7–8 назад сижу я небритый в своей комнате — пыль, мусор, мне стыдно в зеркало на себя поглядеть — вдруг звонок, являются двое — подтянутые, чудесно одетые, с очень культурными лицами — штурман подводной лодки и его товарищ Шевцов. Вытанулись в струнку, и один сказал с сильным украинским акцентом: “Мы пришли вас поблагодарить за вашу книгу о детях: вот он не хотел жениться, но прочитал вашу книгу, женился, и теперь у него родилась дочь”. Тот ни слова не сказал, а только улыбался благодарно».

Корней Иванович всю жизнь был окружен детьми. Вот, например, его записи в дневнике 1936 года:

«С тех пор как я познакомился с этими детьми для меня как-то затуманились все взрослые. Странно, что отдыхать я могу только в среде детей».

«Потрясающе провожали меня дети... Каждый хотел непременно нести за мною какой-нибудь предмет: один нес зонтик, другой шляпу, третий портфель. Тот, кому не досталось ничего, горько заплакал... Я сел в машину, они убежали, и вдруг гляжу: несут мой самый большой чемодан, который и мне не поднять, — все вчетвером — милые! И как махали платками».

А вот строка из письма 1930 года:

«Только любовью к детям я и держусь на земле».

Но вернусь к «Борьбе за сказку».

Чуковский пишет, что, если ребенку читают ту сказку, где выступает добрый, неустрашимый, благородный герой, который

сражается со злыми врагами, ребенок непременно отождествляет с этим героем себя.

«Он жаждет, чтобы борьба, которую ведет благородный герой, завершилась победой над коварством и злобой. Здесь великое гуманизирующее значение сказки: она приучает ребенка принимать к сердцу чужие печали и радости.

Надо использовать тяготение детей к сказке, чтобы при помощи веками испытанных книг развить, укрепить, обогатить и направить их способность к творческой мечте и фантастике.

Трезвым, осторожным рутинерам принадлежит настоящее, а тем, кто фантазирует, — будущее. Творческая фантазия — это способность быстро образовывать новые и новые связи между явлениями.

Нельзя допустить, чтобы на основе своих мелко утилитарных теорий горе-педагоги отнимали у детей великое наследие мировой и классической словесности.

Эти горе-педагоги не умеют представить себе жизнь ребенка в виде процесса, т. е. в движении, изменении, развитии. Этим людям мерещится, что ребенок есть просто сундук, в который что положишь, то и вынешь. Положишь любовь к волку, мухе или комару — так это и останется до конца жизни. На самом деле ребенок — это черновик человека и многое в этом черновике будет зачеркнуто или написано заново, пока он станет взрослым.

Цель сказочников — какую угодно ценою воспитать в ребенке человечность — эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу как свою.

Надо пробудить в детской душе эту драгоценную способность сопереживать, сострадать и сорадоваться, без которой и человек не человек».

Большая глава книги называется «Как дети слагают стихи».

Здесь Чуковский приводит многочисленные примеры стихотворений, написанных самими детьми, анализирует их ритмы и рифмы. Он отмечает, что детям свойственно влечение

к рифме и ритму, что овладевать языком они начинают, упиваясь звонкими созвучиями, что первые ритмические звуки, которые слышит ребенок, — это песни матери.

Чуковский приводит многие примеры детских дразнилок и песенок и приходит к выводу, что любимый стихотворный размер маленьких детей — хорей.

На основании своих наблюдений над детьми он формулирует «Заповеди для детских поэтов». Во всяком случае, сам он придерживался этих заповедей. И прежде всего он рекомендовал детским писателям учиться у народа, учиться у детей.

Назову лишь некоторые из его заповедей (их всего 13).

«Наши стихи должны быть графичны, т. е. в каждом двусyllиши должен быть материал для художника. В стихах должна происходить быстрая смена образов. Ребенку нужно, чтобы в стихах была песня и пляска, повышенная музыкальность поэтической речи.

Стихи для детей нельзя загромождать прилагательными, т. е. свойствами предмета, их надо насыщать глаголами, действием. Ритмом этих стихов должен быть хорей.

Стихи для детей должны быть и для взрослых поэзией».

В своей книге «От 2 до 5» Чуковский построил целую теорию детского восприятия языка и окружающего мира и проверил свою теорию практикой — своими собственными стихами для детей.

От издания к изданию содержание книги менялось, расширялось, дополнялось.

Сам автор писал о своей книге у себя в дневнике:

«...когда я писал эту книжку в ней было ново каждое слово, каждая мысль была моим изобретением... я умею писать, только изобретая, только высказывая мысли, которые никем не высказывались. Остальное совсем не занимает меня. Излагать чужое я не мог бы. (1955, декабрь.)»

«Третьего дня вышло новое, 11-е издание “От двух до пяти”.

Нет ни одной мысли, которую я списал бы откуда-нибудь — вся она моя, и все мысли в ней мои. (1956, сентябрь.)»

Приведу один из бесчисленных читательских отзывов:

«Я в один присест прочитал эту бессмертную книгу! Она поразительно умна, блестяща, остроумна, неповторима. Удивляет изобилие мыслей, совершенно самостоятельных, ни у кого не взятых. Эта книга гораздо шире своей темы. Если когда-нибудь будет существовать подлинная наука о человеческом мышлении, ей придется опереться на эту книгу. Книга представляется мне основой и другой науки, которой до сих пор не существует, — поэтики. И в то же время это занимательное чтение для зауряднейших мамаш. Она каждому дает столько, сколько он может взять, и способна накормить досыта и болвана и мудреца».

Корней Иванович скончался 28 октября 1969 года. До последних дней в больнице он работал над новой главой для «От 2 до 5», которую называл «Признания старого сказочника». Глава не была закончена, но вошла приложением во все посмертные издания книги.

В этой недописанной главе он подчеркивает значение литературного вкуса в арсенале каждого писателя и утверждает, что писатель для маленьких детей непременно должен быть счастлив — счастлив, как и те, для кого он творит.

Елена Чуковская

Последние издания этой книги я посвящал
своей единственной правнучке Маше.
Но Маша уже давно не единственная.
Добрая моя судьба то и дело обогащает меня
все новыми и новыми правнуками.
Теперь у меня кроме Маши есть и Юра, и Боба,
и Коля, и Андрюша,
и Марина, и Митя. Каждому из них
и всем вместе я посвящаю эту правдивую книгу,
а также их внукам и правнукам, которые будут жить
и работать в завтрашнем двадцать
первом столетии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК

*...Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребенка.*
Петр Семынин

I. ПРИСЛУШИВАЮСЬ

Когда Ляле было два с половиной года, какой-то незнакомый спросил ее в шутку:

— Ты хотела бы быть моей дочкой?

Она ответила ему величаво:

— Я мамина и больше н и к о в о й н а я .

Однажды мы гуляли с ней по взморью, и она впервые в жизни увидела вдали пароход.

— Мама, мама, паровоз купается! — пылко закричала она.

Милая детская речь! Никогда не устану ей радоваться. С большим удовольствием подслушал я такой диалог:

— Мне сам папа сказал...

— Мне сама мама сказала...

— Но ведь папа самоее мамы... Папа гораздо самоее.

Было приятно узнавать от детей, что у лысого голова бо-
си ком, что от мятных лепешек во рту сквознячок, что гусени-
ца — жена гуся, а муж стрекозы — стрекозёл.

И весело мне было услышать, как трехлетняя спящая девочка
внезапно пробормотала во сне:

— Мама, закрой мою заднюю ногу!

И очень забавляли меня такие, например, детские речения
и возгласы, подслушанные в разное время:

— Папа, смотри, как твои брюки нахмурились!

*

— Бабушка! Ты моя лучшая любовница!

*

— Ой, мама, какие у тебя толстопузые ноги!

*

— Наша бабуля зарезала зимою гусей, чтоб они не просту-
дились.

*

— Мама, как мне жалко лошадок, что они не могут в носу
ковырять.

*

— Бабушка, ты умрешь?

— Умру.

— Тебя в яму закопают?

— Закопают.

— Глубокó?

— Глубокó.

— Вот когда я буду твою швейную машину вертеть!

*

Жорж разрезал лопаткой дождевого червя пополам.

— Зачем ты это сделал?

— Червячку было скучно. Теперь их два. Им стало веселее.

*

Старуха рассказала четырехлетнему внуку о страданиях Иисуса Христа: прибили Боженку гвоздями к кресту, а Боженка, несмотря на гвозди, воскрес и вознесся.

— Надо было винтиками! — посочувствовал внук.

*

Дедушка признался, что не умеет пеленать новорожденных.

— А как же ты пеленал бабушку, когда она была маленькая?

*

Девочке четырех с половиною лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — возмутилась она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!

*

— Как ты смеешь драться?

— Ах, мамочка, что же мне делать, если драка так и лезет из меня!

*

— Няня, что это за рай за такой?

— А это где яблоки, груши, апельсины, черешни...

— Понимаю: рай — это компот.

*

— Тетя, вы за тысячу рублей съели бы дохлую кошку?

*

Басом:

- Баба мылом морду моет!
- У бабы не морда, у бабы лицо.
- Пошла поглядела опять.
- Нет, все-таки немножечко морда.

*

- Мама, я такая р а с п у т н и ц а !
- И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

*

- Жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь М а к а - р о н а .

*

- Ой, мама, какая прелестная гадость!

*

- Ну, Нюра, довольно, не плачь!
- Я плачу не тебе, а тете Симе.

*

- Вы и шишку польете?
- Да.
- Чтобы выросли ш и ш е н я т а ?

*

Окончание «ята» мы, взрослые, присваиваем только живым существам: ягнята, поросята и проч. Но так как для детей и неживое живо, они пользуются этим окончанием чаще, чем мы, и от них всегда можно услышать:

- Папа, смотри, какие в а г о н я т а хорошенькие!